ЗАПЛАТИТ ПОДЛЫЙ ВРАГ СПОЛНА ЗА КРОВЬ И СЛЁЗЫ ШЛИССЕЛЬБУРГА!

☆ ☆ ☆

Что творили фашисты в Шлиссельбурге

Этот город у истока Невы создавался свыше 700 лет. Каждый камень Шлиссельбурга — история России. Он полит кровью русских дружин, преображенцев Петра Первого.

Немцы, захватившие Шлиссельбург, стремились уничтожить здесь всё русское, стереть город с лица земли. Там, где тянулись вдоль Невы и канала стройные улицы, жилые кварталы, остались разбитые остовы зданий, развалины, пепелища. Здесь жило и трудилось свыше 15 тысяч советских людей. После 17 месяцев немецкого хозяйничанья осталось немногим больше двухсот человек. Где же остальные 14 тысяч 800 жителей города? Замучены, повешены, томятся в застенках гестапо, за колючей проволокой трудовых лагерей или на каторжной работе в Германии.

Мы помним фабрику имени Петра Алексеева. Она была одним из старейших текстильных предприятий в стране. Заново перестроенная в годы сталинских пятилеток, оснащённая новейшим оборудованием, она вырабатывала самые тонкие и изящные ткани. Фабрика выдавала ежедневно по 400—500 тысяч метров маркизета, батиста, шифона и т. д.

Немцы полностью разрушили фабрику. Они полностью вывезли всё оставшееся на ней оборудование, всё имущество, какое только было здесь. Фабричное здание гитлеровские мерзавцы взорвали.

Шлиссельбург был крупнейшей пристанью на Ладоге, с большими судоремонтными мастерскими. Здесь ремонтировались десятки судов. Теперь мастерские превращены в пепел.

Мы помним Шлиссельбург до сентября 1941 года. Прелестный, красивый город утопал в зелени. Радостно шла жизнь.

Текстильный городок. В нём обитало 2 тысячи семей шлиссельбуржцев-текстильщиков. Как только немцы вошли в город, они набросились на квартиры рабочего городка. Грабили, резали, вешали. Отобрав у населения все ценные вещи, гитлеровцы заняли лучшие дома, а часть населения угнали в Германию. Остальных женщин, детей выгнали на улицу. Пьяные банды жестоко тешились над мирными людьми. Солдаты, встречая жителей на улицах, заставляли разуваться, забирали обувь и укладывали её в свои вещевые мешки.

Фашисты полностью разрушили текстильный городок. Такая же картина в обоих жилмассивах водников.

Немцы уничтожили в Шлиссельбурге два больших дома культуры: водников и текстильщиков, городской дом пионеров, пять кинотеатров.

Нет слов, чтобы выразить чувство негодования при виде злодеяний гитлеровских выкормышей. Квартировавший в Шлиссельбурге фашистский сброд, именовавший себя гренадерами, установил жуткий порядок, рассчитанный на систематическое истребление местных жителей.

После двух часов никто не имел права выходить на улицу. Когда однажды работница Кузнецова, возвращаясь от своей соседки, опоздала на пять минут, её остановил патруль.

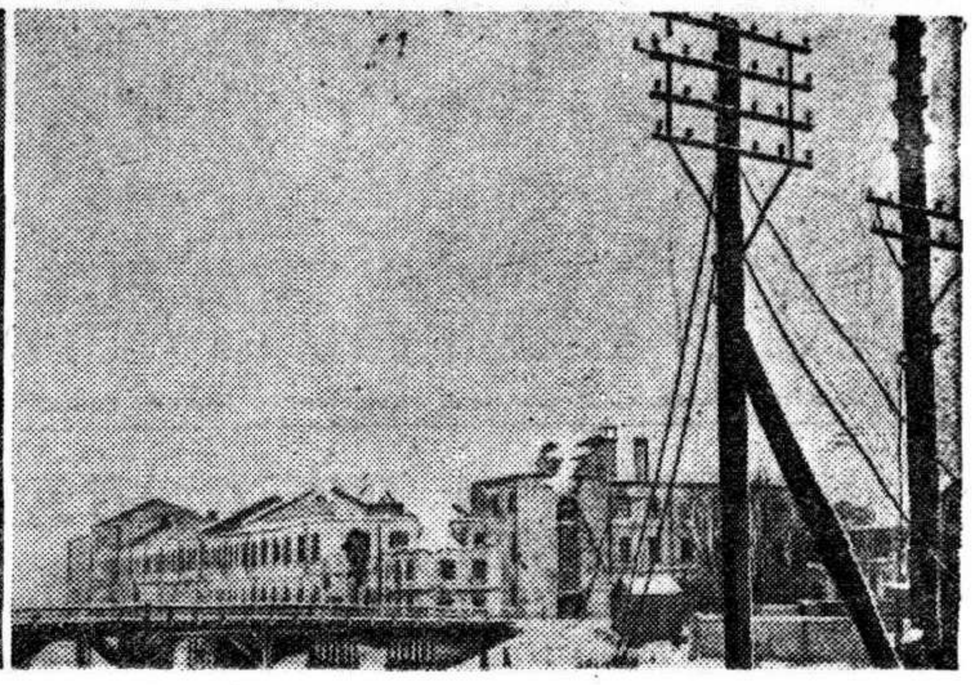
— Руки вверх! — скомандовал солдат, подошёл к женщине и ударом приклада сбил её с ног.

Через несколько часов в квартиру Кузнецовых явились гестаповцы. Они увели женщину с малолетними детьми в комендатуру. Через час вся семья была расстреляна. Так же было уничтожено много жителей города.

Много шлиссельбуржцев погибло голодной смертью. Никакой торговли в городе не было. Выход в окружающие деревни запрещался. Комендант предложил всему населению, начиная с 12 лет, ежедневно являться на работу. Шлиссельбуржцы должны были строить на переднем крае укрепления, заготовлять дрова и т. д. Работа продолжалась 16—18 часов в день. Работающим на немецкой каторге выдавали несколько ложек какой-то жидкости и ломтик хлеба. Люди умирали в лесу, на рытье траншей. Если же кто-нибудь на работу не выходил, его лишали и этой голодной порции, штрафовали, расстреливали.

Так хозяйничали фашисты в Шлиссельбурге.

А. НАДЕЖДИН.
И. МИРСКИЙ.
В. СЕРГЕЕВ.



В Шлиссельбурге. На снимке (справа): фабрика им. Петра Алексеева, варварски разрушенная немцами; слева — собор Шлиссельбургской крепости, который беспрерывно обстреливался немецкой артиллерией.
Фото А. Секретарёва.

o o o o o o o o o

В освобождённом городе

На улицах Шлиссельбурга, ещё недавно унылых и пустынных, — шумно и людно. В разных направлениях идут бойцы, хлопочут мужчины и женщины. Сапёры вытаскивают из-под снега, из подвалов мины и взрывчатку. Артиллеристы увозят трофейные пушки; черноглазый мальчишка, в шапке-ушанке с красной звездочкой, срывает с забора вывеску на немецком языке.

Город как бы очнулся после тяжёлого сна, задышал вольно и освобождается от всего чужеземного, ненавистного, пахнущего кровью.

1. ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ БУРГОМИСТРА

Широкоплечий красноармеец, сжимая автомат, ведёт мужчину в длинном старомодном пальто. Конвоируемый, опустив голову, смотрит себе под ноги.

Это — бургомистр Шлиссельбурга, проходимец Кондрашов, ещё несколько дней тому назад по немецкой указке вершивший расправу над мирными жителями. Он верой и правдой служил фашистам, выдавал советских людей, заставлял жителей по 18 часов работать на немцев.

Перед вступлением наших войск в Шлиссельбург Кондрашов развил бешеную деятельность. Он отправлял из города ценные вещи, оборудование, население. Комендант Пшике был доволен услужливым холуём. Он даже пообещал забрать его с собой. Но не пришлось. Комендант ускользнул, а предатель Кондрашов совершает свой последний путь по Шлиссельбургу.

Они проходят мимо старухи, сгребающей снег у дома. Увидев Кондрашова, она выпрямляется.

— Попался, ирод! — взволнованно кричит она бургомистру. — Залупить тебя мало!

2. 12-ЛЕТНЯЯ РАБЫНЯ

Бледная девочка в истрёпанном клетчатом платьице и жакеточке стоит у калитки полуразрушенного домика. Она пристально смотрит на идущих мимо бойцов, подолгу всматриваясь в их суровые, загорелые лица. И вдруг неожиданно срывается с места, подбегает к усатому красноармейцу.

— Ты что, дочка? — спрашивает боец.

— Обозналась, дяденька. Думала, что папка. Он у меня тоже воюет.

Зое Николаевой — 12 лет. До прихода гитлеровцев в Шлиссельбург училась в школе, состояла в пионерском отряде. Как ей жилось при немцах? Девочка рассказывает об этом, чуть не плача.

— Как только мне 12 лет исполнилось, мама получила повестку. Велят мне явиться в комендатуру. А не явишься, — расстреляют. Пошла я. Комендант посмотрел на меня и говорит:

— Ещё не сдохла? Ну что ж, работать надо.

А комендант Пшике был толстый. Три креста у него висят.

Мы работали с бабушкой. Каждый день нас гоняли пилить дрова. Она старенькая — ей 57 лет. А я — маленькая. Обеим тяжело. Работали мы с утра до ночи.

Наблюдал за нами немецкий солдат. Сердитый. Как только кто перестанет работать, он начинает бить сапогом или плетью.

— Мы каждый день вас ждали. И вы пришли.

Помолчав немного, девочка спрашивает:

— А моего папку не видели? Он скоро придёт?

Рослый сержант, харьковчанин, слышавший рассказ девочки, ответил:

— Придёт! Обязательно придёт! Если не сюда, то к моей дочке. Её тоже зовут Зоей. А лет ей — тринадцать.

И он торопливо зашагал вперёд, догоняя ушедших товарищей.

Капитан А. МИХАЙЛОВ.
Капитан И. ФРАНТИШЕВ.

ПОСЛЕДНИЙ ВЫСТРЕЛ С „ОРЕШКА“

Осенью 1941 года сюда прорвались немцы. Захватив Шлиссельбург и повернув в немецкую кабалу его население, они мечтали переправиться на правый берег Невы и соединиться с белофиннами, чтобы замкнуть кольцо голодной блокады вокруг Ленинграда. Но был на Неве гранитный «Орешек» — так с давних времён называется Шлиссельбургская крепость, и пришёлся он не по зубам немецким воякам. Двести метров воды отделяли крепость от города, но эти двести метров немцы одолеть не смогли. Они засыпали крепость снарядами — 50 тысяч тяжёлых снарядов выпустили они по древней крепости. Но незыблемо стояли граниты «Орешка». Всё время блокады крепость была часовым Ладоги. Она охраняла знаменитую ладожскую трассу — «дорогу жизни».

В бессильной ярости немецкие артиллеристы разбили древний собор крепости. Взрывная волна сломала знаменитую яблоню, посаженную в своё время народовольцем Морозовым. Щебень обломков устилал землю. Но жизнь, упрямая, дерзкая жизнь, не покинула древнюю крепость. В сырых казематах жили бойцы и командиры. Славные артиллеристы Кочанеников, Шкляр, Сергеев, Шелепень, Зайцев, Копюшкин, Колбасин изо дня в день крепко били немцев меткими огневыми налётами. Они изучили расположение немецких частей, знали, когда приходят на плац к гарнизонной кухне голодные фрицы, где проходит развод караула, по какой дороге идут обозы, и стреляли без промаха.

Немцы сжигали в Шлиссельбурге жилые дома, чтобы удобнее было стрелять по крепости. Они систематически и безжалостно разрушали попавший в их руки древний город и хотели также разрушить крепость. Однажды они за один час выпустили 248 девятидюймовых снарядов и тысячу мин. А над крепостью всё так же властно и гордо реяло простреляннное красное знамя.

Наконец, пришёл час битвы за прорыв блокады. Я приказал:

— Огонь! — И крепость вонзила огненный нож в немецкие укрепления. Уже шли на сожжённой врагом окраине города бои, и лыжники форсировали ладожские каналы. Завод наших автоматчиков пересёк Неву и с левого фланга вошёл в город.

В 6.00 утра 18 января расчёт Русинова из взвода Нетужилова сделал последний выстрел из пушки «Дуня». Битва за Ладогу была закончена. Гарнизон «Орешка» честно выполнил свой долг перед Ленинградом.

Гвардии капитан
А. СТРОИЛОВ.

НЕ ПРОЩУ!

КЛЯТВА У РОДНОГО ДОМА

Во второй половине дня 18 января над Шлиссельбургом был поднят красный флаг. Мы очистили древний русский город от фашистской нечисти.

Когда затих бой, я попросил у командира разрешения наведаться в свой дом. Здесь я вырос, жил до войны, учился, работал. Здесь остались мои родственники. Командир понял моё волнение и разрешил.

Вот и мой дом. Крыша снесена. Полы разобраны. Вещей никаких не осталось. Пусто, хоть шаром покати. А родственников и в помине нет. Что с ними произошло? Угнали на каторгу, замучили? Даже спросить не у кого.

Тяжело стало на душе. Постоял я, посмотрел и подумал:

— Не прощу я немцам этого. Пока ходить по земле могу, буду бить их нещадно.

В последних боях я прикончил 4 гитлеровцев. Постараюсь этот счёт мести увеличить в несколько раз, отомщу за разрушение любимого города, за родных, за всё сполна.

Старшина **ШАРИН.**